

ОБИТАТЕЛЬ И ЕГО НАДЕЖДА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ (1926)

Я написал это предисловие по просьбе издателя. Мне неинтересно рассказывать о таких вещах. Для меня это упорный труд; для всякого, кто размышляет по поводу того, что является лучшим, любая работа всегда оказывается трудной. Я всегда имел пристрастие к большим идеям, и хотя по поводу литературы я испытываю сильные колебания и сомнения, я предпочту лучше ничего не делать, чем писать безделушки для развлечения.

Мои взгляды на жизнь — драматические и романтические; то, что не вышло из глубин моего чувства, не имеет ко мне никакого отношения.

Мне было нелегко сочетать эту постоянную устремлённость моего духа с более-менее обособленной выразительностью. Во второй своей книге *«Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния»* я уже проделал однажды эту победную работу. Этой радости самоограничения не могут понять рассудительные придурки, составляющие заметную часть нашей литературной жизни.

Как гражданин, я человек спокойный, враг законов, правительств и установленных порядков. Меня отталкивает всё буржуазное, и мне нравится жизнь людей беспокойных и недовольных, будь то художники или преступники.

Пабло Неруда

I

Начнём с того, что мой дом стоит на краю Канталао, рядом с грохочущим морем, зажатым между холмистыми берегами.

Здесь лето погружено в сладкий летаргический сон, однако зима внезапно взрывается морем, словно невод со злополучными рыбами, зацепившийся за небеса, громоздя валы, вздымаясь, разбиваясь на капли, истекая слезами. Ветер безжизненно завывает на все лады: то гудит в проволочных оградах, то опутывает усадьбы своим чёрным лассо, то уносится в просторы океана, сматывая свой бесконечный шнур.

Я много раз оставался один в своём жилище, когда ураган обрушивался на побережье. Я при этом спокоен, ведь мне не ведомы ни страх смерти, ни страдания, но зато мне нравится смотреть, как утро почти всегда оказывается чистым и светлым. Нередко в минуты урагана я ощущаю запах чистой атмосферы и сквозь несметные толщи воды уже вижу каждую повозку, на которых проезжают через посёлок торговцы, индейцы, рабочие и путешественники. В моём образе жизни в такие дни проглядывает некая разновидность усилия надежды, преодолевающая безразличие как таковое и уж точно — моё собственное безразличие.

Нередко в таких случаях я прихожу в дом к Ирине. Пересекаю огороженную пустошь, отделяющую моё жилище от посёлка, иду по опустевшим улицам, останавливаюсь напротив её дома и жду, когда она появится.

Когда она стирает, мне нравится видеть её руки, посиневшие от холодной воды, когда она работает в саду, мне нравится видеть её голову среди тяжёлых подсолнухов, когда её нет, мне нравится видеть пустые дворик и сад и ждать просто так, не думая о том, когда она придёт.

II

Ирина — полная и улыбчивая блондинка, она любит поболтать, вот я и нашёл повод пойти в посёлок. Она стирает и поёт, ловкая, проворная, или рисует какие-то невероятные каракули: жизнь и на самом деле могла бы быть развлечением.

Она не приветствует меня издали, и тогда я подхожу к ней вплотную, чтобы получить её первый поцелуй прежде, чем я рассмотрю её лицо. «Погоди, — говорю я ей, обнимая, — ведь ты не вспоминала обо мне в эти долгие дни, так зачем я пришёл?» Она меня нисколько не слушает и спешно увлекает за собой, чтобы я рассказал ей о своих делах. Рядом с ней я ощущаю радость, насыщаясь её здоровьем, как камень в потоке воды.

III

Четыре лошади — чёрные, как ночной свет — отдыхают, они разбрелись по берегу, как страны по карте. Мы встретились с Ривасом в местечке под названием Одинокый Дуб и дальше пошли пешком, не разговаривая.

Тысячи собак лают вдали по всей округе, и белый пар поднимается над светящейся поверхностью воды.

— Уже три?

— Наверно.

Я подпрыгиваю и упругими движениями открываю деревянные засовы.

Штырь медленно поднимается и выходит. Топот копыт гулко отдаётся удвоенным, металлическим, фатальным повтором.

Красть лошадей несложно, и, довольные, Ривас и я погоняем животных. Ривас знает своё дело, он отправится в Лимайкен, и никто не сумеет спрятать и продать краденое так, как он.

Мы прощаемся, и я пускаю лошадь в дикий галоп, спускаюсь с холмов и мчусь по берегу моря, поднимая брызги, сливаясь с ночным морским ветром.

IV

Мне нездоровится; тягостный звон лихорадки окружил моё жалкое соломенное ложе. В моей камере есть окошко, такое высокое, такое скорбное, с шестью железными прутьями, с куском высокого неба. Здесь сидят ещё двое или трое заключённых: Диего Копер, такой же конокрад, высокомерный человек с надменными чертами лица, и Рохас Карраско, грязный неприятный толстяк, который никак не может взять в толк, что от него нужно сельской полиции.

А над всем этим — долгий день, когда приморское лето звенит в ушах, как цикада, дальним, далёким шумом речного устья, и я вспоминаю длинный пирс с его деревянным одиночеством, волнение глубокой воды, а ещё дальше — телеги, замусоренные старой пшеницей, ток, заросли орешника.

Мне больно думать, что многое я изучал без пользы для себя; мне тяжело вспоминать, как я радовался своей ловкости, как пользовался своей повседневной жизнью в качестве инструмента для поиска надежды, и какая широкая пустыня была безрезультатно исследована зоркими глазами и воодушевлением.

Вечером под дверь проскользнула курица. Потом она снесла посреди соломы яйцо, которое осталось лежать там, наводя страх своей маленькой неподвижностью.

V

Мой дорогой Томас:

Я задержан полицией Канталао за кое-какие дела с животными. В большой скуке провёл бесполезный месяц в деревенской тюрьме, с большими крашеными стенами, куда попадают несчастные индейцы и сельские бродяги. Пишу тебе, чтобы разузнать про Ирену, женщину Флоренсио; я хочу, чтобы она принесла мне кое-что, о чём не обязательно говорить. Я вижу её, и у меня такое предчувствие, будто она осталась одна или её обидели.

К чему бы это? Попробуй с ней встретиться. Она живёт напротив домика Васкесов.

Дружески обнимаю.

VI

В то время как опускается вечер и шум моря слышен даже издали, я, довольный своей свободой и своей жизнью, пересекаю пустынные улицы, следуя хорошо знакомой дорогой.

Я ем яблоко в её комнате, когда она появляется передо мной; запах жасминов, источаемый грудью и руками, топит наши объятия. Я смотрю, смотрю в её глаза напротив моего рта, полные слёз, огорчённые. Я выхожу на балкон и молча доедаю яблоко, а она ложится на край кровати, обратив вверх влажное лицо. Ночь проникает в окно, как одетый в чёрное монах, зловеще остановившийся перед нами. Ночь повсюду одна и та же, она подступает к сердцу терзающего себя человека, размахивает своим плащом и сбивает его с ног, словно побеждённую свечу, почти угасшую. Горе тому, кто не знает, какую выбрать дорогу, морем или сельвой, горе тому, кто возвращается и находит свой участок разделённым на части, в этот немощный час, когда никто не может сказать, кто он, ибо приговоры времени одинаковы и бесконечны: или нерешительность, или тоска.

Мы сближаемся, защищаясь от колдовства, закрывая глаза, чтобы остаться в полной темноте, однако я начинаю различать правым глазом её длинные русые косы, разметавшиеся по подушкам. Я примирительно целую её, испугавшись, что она умирает; поцелуи сжимаются как змеи, соприкасаются с прозрачной лёгкостью, они глубоки и нежны, зубы порой сталкиваются и звенят металлом, и два огромных рта тонут и трепещут, как проклятые.

Я перескажу тебе день за днём всё моё детство, перескажу, напевая, мои одинокие лицейские дни, нас здесь тогда ещё не было, ну и пусть, я всё равно расскажу тебе о том, что я сделал, и что мне хотелось сделать, и как я беспокойно жил в пансионе Маури시오.

Она сидит у моих ног на балконе, мы встаём, я покидаю её, расхаживаю по комнате, насвистываю, мы зажигаем лампу, едим, почти не разговаривая, друг против друга, соприкасаясь ступнями.

Ещё позднее я целую её, и мы молча переглядываемся, алчные, решительные, однако я оставляю её сидящей на кровати. И снова хожу по её дому, вниз и вверх, вверх и вниз, и снова хочу её поцеловать, но останавливаюсь. Кусаю её белую руку, но тут же отодвигаюсь.

И всё-таки ночь длинна.

VII

Двенадцатого марта, когда я спал, в мою дверь постучал Флоренсио Ривас. Я знаю, я знаю, Флоренсио, о чём ты хочешь мне сказать, но погоди, мы же старые друзья. Он садится вблизи от лампы, напротив меня, и пока он на меня смотрит, я тоже бросаю на него взгляды, отмечая его спокойствие. Флоренсио Ривас — человек спокойный, с твёрдым и прямым характером, склонный к резким и неожиданным поступкам.

У моего товарища по игровым столам и делам о пропавших животных белая кожа и синие глаза, а в их синеве — капельки безразличия. У него скошенный нос, он подпёр свой лоб правой рукой, и на стене виден его чёрный сидящий силуэт. Я неспешно собираюсь, и в дверях он подаёт мне моё пончо из грубой шерсти.

— Впереди долгий путь, малыш.

И всё же он, внешне такой спокойный, убил этой ночью свою женщину, Ирену. Это написано на ботинках, которые я собираюсь обуть, на моём белом сельском жакете, это

написано на стене, на потолке. Он ничего мне не говорит, он помогает мне оседлать мою лошадь, он едет рысью впереди, он ничего мне не говорит.

А затем мы скачем галопом, всё быстрее и быстрее, пересекая пустынное побережье, и копыта стучат так-так, так-так, и вот он уже добрался до ближайших к воде кустов и гремит по прибрежной гальке.

Моё сердце полно вопросов и отваги, дружище Флоренсио. Ирена более моя, чем твоя, так что поговорим; однако мы скачем, скачем, ничего не говоря, и смотрим вперёд, потому что ночь темна и холодна.

Но эта дверь мне знакома, что и говорить, я отворяю её и знаю, кто меня ждёт за ней, знаю, кто меня ждёт, Флоренсио, заходи тоже.

Однако он усакал далеко, и копыта его лошади глубоко отпечатываются в ночном одиночестве; он уже ворвался на улицы Канталао, и потерял своё имя, и исчез безвозвратно.

VIII

Я увидел её лежащей на кровати, мертвой, нагой, холодной, как большая морская рыба, выброшенная на берег среди ночной пены. Подойдя поближе, я заметил, что её открытые глаза были синими, словно два цветка, лежавшие на лице. Руки были полыми, точно они хотели удержать в себе дым; её тело всё ещё было вытянуто с твёрдостью, обычной для этого мира, и отливало бледным, трепетным металлом.

Горе, горе скорбным часам, которые навсегда останутся безутешными, в этот миг страдания быстро слипается материя души, и изменения едва заметны. Крысы бегают по соседней комнате, устье реки стучится в море своими слёзными водами; ночь черна и темна, и идёт дождь.

Идёт дождь, и в каждый миг непогода врывается сквозь выбитое окно, и на моё сердце легла тяжёлой печалью злая ночь, стремящаяся изорвать занавески, злой ветер с его могильными завываниями, комната, в которой лежит моя мёртвая женщина, большая квадратная комната, в которой иногда вспыхивают электрические разряды, не способные зажечь толстые белые свечи, которые так и останутся нетронутыми до утра. Я хочу услышать её голос, неизменно возвращающийся назад, её голос, уверенно приходивший ко мне, словно несчастье, вызывающее у кого-то улыбку.

Я хочу услышать её голос, вспыхивающий неожиданно, зарождающийся в её чреве, в её крови, её голос, который никогда не был накрепко привязан к какому-либо месту на земле, но всегда шёл за ней вслед. Мне позарез нужно вспомнить её голос, который я всё ещё не узнал до конца, который мне надо было слышать, и не только когда моя любовь была рядом со мной, но даже сквозь стены, когда я был скрыт от неё, и моё присутствие её не изменяло. И какова моя потеря? Как мне её постичь?

Я сижу рядом с ней, уже мёртвой, и её присутствие, словно огромный звук, притягивает к себе моё внимание, оглохшее, раздражённое, пребывающее на далёком расстоянии. Всё

окутано тайной, и я бодрствую рядом с ней всю скорбную беспробудную дождливую ночь, и только на рассвете вновь сажусь верхом и пускаю лошадь в галоп.

IX

Измощённые листья влачатся по земле в неудержимом порыве, птицы падают вниз с высоких насестов и с криками кружат до бледных сумерек, когда они становятся совсем бесцветными, и повсюду стоит тяжёлый запах пыльных клинков, густой аромат, образующий сплошную бесформенную массу, плывущую среди высоких прямых деревьев, словно серое безволосое животное с медлительными крыльями. О, это осеннее животное, составленное из мёртвых бабочек, запах его земного праха ощутим даже в полном молчании, когда ночь поднимается из своих нор, покрывая всё своим непрерывным плащом.

Ибо вечер — это холодный кокон, из которого, подобные чёрным цветам, появляются тени, выезжают повозки, перетирающие желтизну листьев, бледную желтизну мёртвых опавших убогих хрупких одеяний, выходят склонённые друг к другу пары, раскачиваясь, как колокола, и направляясь туда, где высоко на стене прибита игральная карта с блестящими червонцами. Пугливая осень, переменчивость бесшумных вещей, предостерегающая нас своим неразложимым на части запахом, наподобие того, как слепому удаётся опознать бархат на ощупь и как зверь подчиняется ночи.

Он намертво пригвождён к атмосфере, вращающей созвездия, совершающей свои обороты подобно долгому хороводу пущенных по ветру одиночеств, обрывков иллюзий, всё ещё не утраченных окончательно, потому что ветер продолжает гнать их по кругу ударами своего кнута, и они проплывают между кучами опавших листьев, скапливаются в глубине безлюдных дворики, в огромных спальнях, затопляют всё и оседают, будто не могут высказать, что за мистическая композиция составлена из зеркал, окоченевших пауков света и бахромы усталых кресел, ведь всё это стремится сосредоточиться в своей истинной и никому неизвестной тайной жизни, исполненное желания не умереть окончательно, но когда-нибудь вернуться.

X

Хосе Сильва наверняка пустил себе пулю в лоб на одной из этих мрачных станций поблизости от Канталао, ведь когда подведены итоги, неизменно дающие в сумме одно и то же отрицательное число, правильный выбор состоит в том, чтобы уничтожить весь этот хлам одним решительным действием. Я избрал путь бегства, через одинокие деревни, объятые дождём, через посёлки лесорубов с неминуемыми бесконечными деревянными крепостями, мимо озабоченных лиц неизвестных железнодорожников, мимо хозяев и хозяек постоянных дворов, где в глубине комнаты находятся старая гамбургская литография, синее одеяло, окно с видом на дождь, схожее с туманной луной зеркало, из которого выбегают юные дни, умывальник, кувшин, ночной горшок, отчаяние выйти

откуда-нибудь и вернуться обратно. Но со мной было её фото, то самое, на котором Ирена запечатлена в величавой позе спокойной преследовательницы, с поднятой в направлении фотографа рукой и с голубыми глазами, сотворёнными Богом.

И когда я на самом деле повстречал её в маленькой гостинице «Welcome», что находится рядом с префектурой, от этой фотографии её отличала только непроницаемая замкнутость.

Как мне освободиться от этой женщины? Я нежно сказал ей «добрый день», отказавшись от её дыхания, я возомнил, что могу пустить пу миру её нищету, что её отсутствие в этом заброшенном посёлке было всего лишь грудой мучительных воспоминаний. Хотела ли ты озарить меня своим последним лучом? В это влажное время я жду, чтобы твоё слово опять вернулось ко мне.

— Флоренсио сильно болел, и всё время просил позвать тебя, но он не знал, где тебя искать, ведь с тех пор, как ты продал лавку, никто не мог тебя найти. Боже мой, сколько воды утекло! Но не будем об этом. Я никому не хотела говорить; он остался в слезах.

— Я тоже не мог тебя забыть. И всё же нам не приходилось встречаться друг с другом на каждом шагу, и труднее всего было вернуть это усердие давних забытых дней. Я смотрел, как поезда останавливаются в посёлках, и никогда тебя не ждал, в этом состояло испытание, и твоя фотография молоденькой девчонки повсюду хранила меня своим чёрным берегом скорби, и я ни на минуту не забывал о тебе.

Эльвира приходила каждое утро, но я не смотрел на неё; твоё присутствие возвращалось вновь и вновь.

XI

Андрес каждый день будил меня в одной и той же манере, улыбаясь широкой улыбкой. Раскаты его хохота возвышались над ним, а сам он был таким маленьким, что я его едва замечал.

Подумать только, как ужасна эта жизнь, Луча, этот ежедневный восход солнца, Луча, всё ещё такая юная, и тебя тащат на буксире до самой пристани, возле которой меркнут все чувства. И всё же найдётся какой-нибудь угол из огромных твёрдых камней с зелёными прожилками, в котором мужчина, призванный к одиночеству, будет ждать каждый вечер одну и ту же женщину.

— Я думал, ты будешь каждый день играть в бриску с Андресом или Агилерой, с поднятыми руками. А вчера я видел, как ты шёл куда-то, не спорь, я узнал бы тебя и за две лиги. Они-то не влюбятся в Люсию, ведь она уже замужем. Да, я уже знаю, что это она.

Да, это действительно была Люсия, она привлекательнее всех в этом пыльном пансионе, и её приветливость заключается в том, чтобы всякий раз, когда я болен, стоять на коленях рядом с моей койкой, чтобы искать совета у столика для гаданий, чтобы заполнять стены моей комнаты своими академическими рисунками, от чего в ней проглядывает что-то ностальгическое, с живой краской её волос, с её глазами безрассудной птицы, которая никогда ничего не может понять. Да, я вижу издали её

красное платье на фоне выцветших подмышек холма, она ждёт меня, как я люблю тебя, Люсия, люблю твоё близкое тело, порывисто отдающееся моей жаждой, полностью и без эгоизма, люблю заброшенность твоего сердца и носки твоей обуви, слегка обшарпанные по причине твоей бедности, и мы идём по тропинке, наступая на ракушки, там, где океанские волны разносят осенний запах южных ветров и сонные птицы с медлительностью парашютистов поднимают свой корм из морских водорослей, и сердцу влюблённых сладостно шагать, не вспоминая ни о Себастьяне, ни о его приглашении, шагать, прижавшись друг к другу бёдрами; упоительно вдавливать тяжесть наших подошв в сырой песок побережья, где влажные кольца бесконечной змеи вытянулись вдоль шевелящегося моря; Люсия, чьи глаза, огромные, как морские черепахи, никогда не перестают удивляться, в ней воплотились все мелочи на свете: левкой, кинематограф, расплюснутая по кресту флора, её стеклянные бусы, а также приключения моей жизни, с которой она, похоже, несколько не считается. О Боже, мы прильнём друг к другу, и пусть Звезда надежды звенит своим влажным металлом по всему небу, и не думай о том, что она слишком далека. Я хочу одного, чтобы твоя тень на мгновение перестала расти или дрожать; этого достаточно, ведь мне нужен твой светлый маленький затылок, на котором я могу с привычной нежностью выводить: «не ты ли ждала меня в этом углу, где я очутился в возрасте моего одиночества?»

Я помню твой забытый набросок, на котором были изображены две близкие тени в одном окне, одна была светлой и слабой, как та, кого я знаю, а на нём была сдвинутая на глаза шляпа и пальто, застёгнутое на все пуговицы, и его чёрный силуэт охранял тебя; набросок, который ты порвала на следующий день, потому что заметила, стоя на коленях рядом с моей койкой, чьё-то чужое присутствие и вместе с ним — мое отсутствие.

Но это не важно, пойдём дальше, спой мне бесконечную баркаролу моих желаний, моя маленькая; нас двое, и мы поселились на такой границе, куда только вдвоём и можно ступить; спой мне баркаролу шумного морского одиночества, глубокого, тёмного, баркаролу шумной морской ночи, я хочу узнать, как возникают приливы и отливы, пусть твои уста цвета молодого коралла расскажут мне, как они разворачиваются, растягиваются, сжимаются и несут внутри себя живую рыбу и цветы скорби; моя маленькая Люсия, спой мне, обворожи меня своей силой сумеречной личинки, когда занимается рассвет в оконных проёмах, этот высокий блеск кораблей времени, спой о том, что любят все мужчины и женщины в своём жарком единении, и о том, что люблю я один, бедный обитатель этого мира, позабытый на волне надежды, которой я никогда не мог поставить предел, — лишь бы только утихли мои печальные мысли.

И всё же ещё не вечер, и я доволен. Люсия, как я люблю тебя. Я веду тебя за руку, как свою маленькую мечту, и когда тебе хочется перепрыгнуть через лужу, полную солоноватой морской воды, я отрываю тебя от земли, восторгаясь всеми своими силами.

Ты светишься. Солнечный свет ложится на твой маленький лоб и сбегает, как одежда, по остальным частям твоего тела. И мы удаляемся в грот нашего отдохновения, жарко целуем друг друга, глядя друг на друга спокойными глазами, расширившимися от

близости, а затем я ощущаю самый нежный из всех моих поцелуев, когда ты сладко возвращаешь его обратно.

ХII

Это крест из сырой древесины, я был распят на нём, не замечая этого, много дней, проведённых среди незримых гнойников и сырых соседей по кладбищу, погребённый заживо рядом с оврагом Раринко, пока первый ураган не заставил меня выкатиться из окна моего жилища. Там, снаружи, море обдавало брызгами подножие молчаливого, золотистого, неподвижного холма.

Местами его покрывали жёсткие растения и травы, изъеденные цветом времени и присутствием одиночества, поникшие, как сухая ветошь.

Белый берег моря идёт параллельно стене комнаты, передвигаясь на печальных салазках и сетуя, а позади своего оркестра, в далёкой дали, море становится синим, и птицы, с криками летящие за этой границей, не могут найти камня, чтобы дать отдых крыльям.

И вновь эти дни, которые тянутся раздирающе долго, совершают своё круговращение, не принося ничего и ничего не оставляя; ничего не оставляя и не принося, время крутит рядом с нами свои педали, неторопливый велосипедист в серой одежде, оно ставит свой велосипед на стоянку по воскресеньям, по четвергам, по воскресеньям в каждом посёлке, и когда воздух становится совершенно неподвижным и наше желание делается незримым, капля дождя падает на стекло, и на крышу моего уединённого жилища, настойчиво и упорно, обрушивается ливень, который хорошо виден в тёмных частях атмосферы, особенно если в наружном окне нет стекла, нити его ткани перекрещиваются, опускаясь до самой земли.

День за днём я хожу вперёд и назад по полу своей комнаты, и много времени пройдёт, пока тоска перестанет лежать тяжёлым грузом на моих плечах; много пройдёт времени.

ХIII

В магазине полно покупателей, я тоже пришёл туда спозаранку. Я расставил коробки по стеллажам, разложил по порядку тяжёлые рулоны, попробовал галеты и сладости.

После столь долгого периода бездействия трудно снова обрести чувство действия, для которого требуется удерживать в равновесии столько невозможных деталей. Я решил покинуть своё любимое жилище и взвалить на себя эту обузу, лавку моего брата, потому что для такого длинного и неторопливого мгновения мне нужно было найти какое-нибудь постоянное занятие.

Лентяй и мечтатель, я почти всегда отказываю своим постоянным клиентам во всяких мелочах, которых они постоянно домогаются. Скоро всё это запахнет банкротством. Однако я чувствую себя отлично. Ирена снова прохаживается напротив моей двери, хотя

ей хорошо известно, что её красное платье и зелёная шляпа уже не привлекают моего внимания.

Да, это так, ей нравится быть важной особой, пусть она почти не встречает мою рассеявшуюся страсть и даже не понимает этого, но ведь и я вижу её с трудом. И когда её рот оказался напротив моего, и совершенно ничего не было забыто, она спросила меня, сколько стоит шёлк и платок, который я ношу на шее, и я уверен, что назвал ей эти цены без малейшего волнения.

Иногда, когда тоска становится особенно нудной, эта глушь представляется мне очень горькой. И всё же: что находится за территорией этого посёлка? какие удовольствия отмечают известные мне путеводители? на какие непредвиденные чудеса указывают события, произошедшие где-то вдали?

Для меня все часы одинаковы, и яркие звёзды загораются в те же самые вечера. Кот ждёт меня в лавке каждое утро, чуть-чуть умеряя свою активность, если были дни поста, наложенного на него моей невнимательностью. Но его хозяин тоже постится. Ведь я тоже забываю поесть, в дремоте неизменного течения, в полной неподвижности окружающих меня вещей.

Ладно, всё это должно когда-нибудь закончиться. Или это уже конец.

XIV

К несчастью, дела мои были плохи.

Лоти, «Мой брат Ие»

Попробую искренне рассказать о своём случае: если я прежде изъяснялся неясно, то это потому, что сам многого не понимал. Всё происходит где-то внутри, в смешанных движениях и красках, и очень нечётко. Моя единственная идея рассчиталась со мной.

В течение долгих дней она постепенно пробуждалась, отделялась от других, оживала и возвращалась обратно, словно была естественной и неотделимой. И внезапно полная определённости беззвучно вонзилась в самый центр мишени.

Мой человек сбежал неизвестно куда или находится далеко. Мне известны все места, где мог бы находиться Флоренсио, его имена и занятия, города и веси, по которым пролёт путь моего старого товарища. В неудержимом порыве я отделял деталь от детали, ввергая себя в ночное безумство, опрокидывая навзничь это безнадёжное действие, долженствующее освободить мой дух. Как чудовищное препятствие на единственном пути, это действие встало поперёк моего существования, и наступившее время изнеможения и растерянности ничего не может с ним поделать, разве что не замечать его.

Встать лицом к лицу с ненавистным существом, выросшим на корнях бытия, беззвучно говорить о страданиях, медленно зачитать приговор, не перечисляя ни болей, ни печалей навязанного нам времени, чтобы они не выросли и не ослабляли свободу действия, быть внимательными и уверенными в себе в тот момент, когда пуля пронзит грудь другого, и два авантюриста, каковыми мы и были, упадут мёртвыми друг подле друга, на досках

пустого дома, в поле, в городе, в гавани, своей непосредственной человеческой волей принуждая друг друга умереть.

И пусть будет моим это великое осуществление, пусть эта великая убеждённость вскармливает меня непрерывными муками, о которых известно мне одному, и пусть я тоже однажды приду к концу, к хозяину отпущенных мне свобод.

И пока ночь ощупывает моё ложе, звенит бесполезный колокол: ночные бдения одинаковы по всей земле. Как странно, ещё вчера я знал, какая лестница ведёт в темноту, много раз скрипели её ступени, и я внезапно ощущал запах моря. Будь осторожен. Расстояние до моря угнетает, я поднялся по ступеням, думая о нём, и самый способ его измерения вынес моё тело на берег, растянув его до бледноты.

Горе мне, горе человеку, который остался наедине со своими призраками.

XV

Я должен рассказать вам о своём приключении, вам, полностью овладевшим секретом ночей и вскормленным этой тайной, вам, беспристрастным сторожам, чьи глаза открыты у входа в тоннель, где красный свет предупреждает об опасности, а черви зелёного света ползают внутри живота, вам, познавшим назначение стражи, увидевшим в море, в пустыне, в глуши, как рождаются и растут огромные бабочки с тряпичными крыльями, прорастающие из противоречивого сна, вам — рыбакам, поэтам, пекарям, зрителям маяков, всем тем, кто достаточно усерден, чтобы сохранять спокойствие, кто познал риск хотя бы единственный раз побывать рядом с необъяснимым.

Такой же ночью я в смятении вошёл в дом того, кого искал, с холодом оружия в руке и с сердцем, в котором ходили горькие волны. Ночь, скрипят ступени, скрипят лёгкие тонкие половицы под ногами убийцы, и в чёрной темноте, скрывающей все вещи, громко стучит моё сердце. Вот так я вошёл в комнату моего противника, мрак уже опустился на его глаза, его сон был крепким, ведь он тоже знал о несуществующем: мой старый товарищ, тяжело храпевший, его глаза были накрепко заперты усилием мудреца, стремящегося навсегда удержать свой сон. И всё-таки: что делает здесь этот бледный призрак, в чьей поднятой руке сверкнуло что-то стальное?

Он спал, и ему снилось, как в большой пустыне, переполненной песками и людьми, возникла лестница, возносящаяся от земли до небес, и он, поднимаясь по ней, ощутил смятение своей души. Кто ты, однорукая воровка, молча съёжившаяся между ступенями? Всё здесь одного и того же цвета, серого цвета холодной осенней ночи, цвета старого усталого металла, — и время тоже. Я здесь, и старая воровка внезапно останавливается напротив Флоренцию. Это ошибка, разве она могла быть такой огромной? Её голос подобен грохоту, выходящему из её единственной руки, но я не могу понять её языка. Она меня обманула, всё окрашено в цвет апельсина, всё стало как этот единственный плод, его мистический свет не мог созреть, и кроме этой тишины я ничего не воспринимаю. Что мы здесь ищем? Не сомневайся, мы пришли сюда не за каким-нибудь забытым инструментом,

и я повторяю, этот цвет такой странный, точно всё завалено грудami свинцово-фиолетовой скорлупы.

Когда дверца клетки открыта, звери сперва пьются назад, прежде чем выскочить на свободу. Меня тоже охватил страх и удержал на краю потока, мчащегося по проспекту. Где-то там, позади всего этого, находится спящая женщина, на мгновение он вспомнил о ней. Сквозь беспокойство начало проступать мерцание, пытаюсь принять её форму. Ладно, она вытянулась на боку, и рыбы сгрудились в кучу, пытаюсь перехватить её взгляд, вот только она такая нежная и бледная, что вряд ли у неё достанет сил смотреть на них. Она и не смотрит, её глаза утомлены; утомлены и её руки, единственное, что она пытается поднять. Кто может сказать, когда это случится? Своим лицом я ощутил её холод, она холодна как рельсы, влажные от ночной росы, или как мокрые фиалки. Луг, на котором они растут, бесконечен, он существует вопреки дождю, фиалковые деревья росли весь год, и они пронзают мои ноги, точно капусту. Это правда. Но в этом краю никого не встретишь, сломанные фиалки быстро срастаются, растут за нашими спинами, и вокруг нас нет ничего, кроме этой тяжёлой стены, огромной, податливой, зелёной, синей. И тогда я взял факел своей подруги, однако заметил, что произошло что-то странное, мой факел осветил её, украденную моими деревьями, и я увидел его стальной свет, холодно мерцавший над моей головой. Я останусь спокойным. Мне будет нужно притащить её, привязав к моим лодыжкам, и она закричит, будьте в этом уверены, завоет заунывно, как собака.

Я остался один на один с человеком, которого должен убить, он спит, будьте в этом уверены, но моя поднятая рука со сверкнувшим в ней оружием упёрлась в его сон, как в стену. Клянусь, я много раз направлял оружие на этот непроницаемый материал, но моя рука покорялась его плотности, и я сам, в этом одиноком жилище, где меня и не было вовсе, тоже погрузился в сон.

Сейчас я наклонился к окну, и стёкла запотели от огромной тоски. Что это? Где я был? Я нахожусь здесь, из этого молчаливого дома тоже прорастает запах моря, он словно выходит из огромной океанской раковины, и я остаюсь неподвижным.

Мне пора, ведь одиночество начинает заполняться чудовищами; ночь мерцает в одной точке померкшими цветами пустыни, и заря открывает свои глаза, полные слёз.

Перевод Андрея Щетникова